

Горсть бриллиантов

Быль XVIII столетия

I

ПЕТИМЕТР

Ваня Красноярский, сын Захара Ивановича Красноярского, бригадира, участника миниховских походов, героя Очакова и Ставучан, имел полное право поступить в гвардию и, будучи записан еще с детства в один из лучших полков в Петербурге, отправился туда по достижении восемнадцатилетнего возраста, напутствуемый благословениями и молитвами матери и кратким наставлением отца:

-- Служи верой и правдой, будь честен, ничего не проси и ни от чего не отказывайся.

С Ваней, проведенным все свое детство и юность в родной Красноярке, деревне отца, и редко бывавшем даже в их провинциальном городке, был послан в столицу старый крепостной слуга Захарыч, на руках которого и вырос, и воспитался Ваня.

У Красноярских в Петербурге жила их дальняя родственница, богатая и важная дама, Анна Дмитриевна Борзая, о которой Красноярские из своего далека имели весьма высокое представление и которую считали до некоторой степени своею покровительницей, благодаря ее связям и богатству. Мать Вани, помня, что ему придется ехать на службу в Петербург, из года в год к большим праздникам посылала с оказией Анне Дмитриевне транспорт гусей, индеек, яблок моченых и всяких варений и солений, которые та благосклонно принимала и постоянно "отписывала". Письма ее, после получения приношений, носили характер манифеста, но это служило лишь к вящему увеличению уважения к ней со стороны Красноярских.

Теперь, когда со стороны, наконец, с таким страхом ожидаемое матерью Вани время ехать ему в Петербург, было отправлено предварительное письмо к Борзой, в котором говорилось, что Красноярские, глубоко чувствуя все благодеяния, оказанные им Анной Дмитриевной, просят ее принять сына их Ваню и не оставить его своим высоким покровительством.

Хотя до сих пор все благодеяния Борзой по отношению к Красноярским заключались лишь в том, что она получала их гостинцы, она приняла все-таки слова, как нечто должное и не отказалась "продолжать" благодетельствовать им, отписав, что их сын Иван может приехать прямо к ней и жить у нее во флигеле, а она поручит своему сыну Андрею заняться молодым малым.

Судьба "молодого малого" была таким образом решена, и он явился в Петербург в сопровождении Захарыча, прямо в дом к Борзой.

Его неуклюжий деревенский возок въехал во двор богатого каменного, с гербом на фронтоне дома Борзой, и с первой же минуты их появления тут Захарыч сильно нахмурился, а Ваня испытал какое-то смутное, неясное чувство обиды. Их возок вызвал целый ряд насмешек со стороны кучеров и толкавшейся на дворе челяди. Но Захарыч с серьезным и решительным лицом, с непривычною для Вани в нем солидностью расспрашивал и распоряжался. Ваня решился вылезть из угла возка лишь тогда, когда возок подъехал, наконец, к крыльцу того именно флигеля, где было приготовлено ему помещение, и когда Захарыч сам побывал во флигеле и тоже с непривычною для Вани официальностью сказал ему, открыв дверцу:

-- Здесь-с, пожалуйста выходить!

Помещение -- две комнаты и людская -- приготовленное для них, показалось Ване чудом роскоши в сравнении с тем, что он видел у себя в деревне, хотя это были в доме Борзой самые обыкновенные комнаты, в которых жил когда-то гувернер Андрея.

Но, очутившись в этих комнатах и чувствуя сознание, что он, наконец, приехал, что долгий и утомительный путь окончен, Ваня Красноярский повеселел и потребовал скорее одеваться.

Было около одиннадцати часов. Ваня, привыкший обедать в деревне в двенадцать, решил, что поспеет еще до обеда познакомиться с хозяевами.

Захарыч, не обращая внимания на повеселевшего Ваню, продолжал хмуриться, но все-таки,